

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ

В 1575 году Иван Грозный отрекся от престола и передал власть крещеному татарскому царевичу Симеону Бекбулатовичу с титулом великого князя всея Руси. Кем же был Симеон Бекбулатович? До крещения его звали Саин-Булат, он был потомком ханов Большой Орды. Еще в XV веке некоторые татарские царевичи со своими отрядами переходили на службу к московским правителям. Они использовались для обороны границ и участвовали в военных походах. В иерархии Русского государства эти лица занимали очень высокое положение. При Василии Темном на русскую службу перешел сын хана Казани Касим. Ему был выделен удел, который получил название Касимовское царство. Как правило, на престоле этого царства находились ближайшие родственники правивших в Казани или Астрахани ханов, которых можно было использовать в борьбе с татарскими государствами. То же самое произошло и с Саин-Булатом. Около 1570 года он был сделан ханом в Касимове, неоднократно участвовал в боевых действиях в Ливонии. В 1573 году Саин-Булат крестился, приняв имя Симеона. Его женили на дочери князя Ивана Мстиславского. Именно этот человек и стал официальным правителем России. Это событие является одним из самых загадочных за долгие годы правления первого русского царя. Смысл происходящего был непонятен уже современникам Ивана IV, поэтому в источниках даются самые противоречивые объяснения случившемуся, а официальное летописание прекратилось еще в конце 1560-х годов.

В одном из летописцев пишется о казнях в Москве перед Успенским собором, о том, что головы казненных «метали» по дворам бояр и митрополита. В том же году «произволением» Грозного на царство сел Симеон, провозглашенный великим князем, «а жития его было з год и больши, да и опять сосла и дал ему Тверь и Торжек в удел. А говорили неции, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва в людех про то». Другой летописец приводит совершенно другую версию. Царь «мненти почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства и восхоте поставити ему препону, нарек на великое княжение Семиона Бекбулатова». Это вызвало протест некоторых лиц, что привело к казням архиепископа Леониды Новгородского, архимандрита Евфимия, протопопа Ивана и других. Через год «Ивана Васильевич всея Руси восприя скипетр Росийскаго царствия и облачишася царское багрянницею и венец и диадиму на ся возлагая, яко же и прежде»*.

Сам Иван Васильевич в беседе с английским представителем Даниилом Сильвестром 29 ноября 1575 года объяснил произошедшие изменения (то, что он «передал сан нашего правительства... в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу») изменой подданных, которые отказываются повиноваться. Вместе с тем англичанину было заявлено, что вся казна находится в распоряжении царя, с ним же достаточное количество слуг и имеется место для «нашего собственного и их обеспечения». Во время следующей встречи с Сильвестром 29 января 1576 года Грозный прямо заявил о том, что он «не настолько отказался от царства, чтоб нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан и еще поступим в этом деле как нас Бог наставит, потому что он (Симеон Бекбулатович. — В. Ш.) еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему изволению»**. Очевидно, что в конце ноября царь давал понять английскому правительству, что реальная власть в стране продолжает находиться в его руках (финансы, военная сила). Через два месяца измены подданных уже не столь сильно волновали Ивана Васильевича, как в ноябре, и он допускал возможность беспрепятственного возвращения к власти в любой удобный для себя момент.

* ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226—227.

** Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. № 39, 40. С. 181—188.

По достаточно путаным сведениям представителя английской Московской компании Горсея, Грозный, видя всеобщую ненависть к себе, решил «уничтожить все обязательства, принятые им на корону... провозгласил новым государем под именем царь Симеон, сына казанского царя, передал ему свой титул и корону и, отделяясь от своих полномочий, короновал его, но без торжественности и без согласия своих вельмож; заставил своих подданных обращаться со всеми делами, прошениями и тяжбами к Симеону, под его именем выходили указы, пожалования, заявления... Такой поворот дела и все изменения могли дать прежнему царю возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировалось. Его духовенство, знать и простое сословие должны были теперь идти к Ивану Васильевичу с прошением смилостивиться, вновь принять венец и управление; он согласился на многочисленных условиях и достоверных договорах, подтвержденных указом парламента... Чтобы его умиловать, все подданные... изыскивали средства на дары и подношения ему, это принесло ему огромное богатство. Он был освобожден от всех старых долгов и обязательств». Другой англичанин, побывавший в России уже после смерти Ивана IV, эпизод с Симеоном изобразил как чисто антицерковную меру: Грозный «к концу года заставил нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископам и монастырям, коими последние пользовались несколько столетий. Все они были уничтожены. После того, как бы недовольный таким поступком и дурным правлением Симеона, он опять взял власть и будто бы в угодность церкви и духовенству дозволил возобновить грамоты, которые раздал уже от себя, удерживая и присоединяя к казне столько... сколько ему было угодно. Так он отнял у епископий и монастырей кроме земель, несчетное число денег... что было сделано им с целью не только умножить свою казну, но также изменить мнение об его жестоким правлении, показав пример еще худшего в руках другого царя»*.

Как видим, источники дают крайне противоречивые сведения о причинах столь необычного шага царя. Разброс мнений очень широк: во-первых, измена подданных; во-вторых, стремление не допустить наследование престола сыном; в-третьих, предсказание волхвов; в-четвертых, стремление узнать реакцию населения; в-пятых, избавиться от обязательств казны перед городами, купцами и монастырями.

---

* Горсей Дж. Записки о России. С. 59—60; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 66.

Лицевое изображение царя Ивана IV на грамоте,
писанной в 1571 году

Каковы же факты, которые могут помочь установить последовательность и причины событий? Известно, что летом 1575 года были казнены ближайшие советники Грозного, выдвинувшиеся на первые роли в последние годы существования опричнины, и родня царицы Анны Колтовской: князь Борис Тулупов с родственниками, Василий Умной-Колычев и другие лица*. В то же время не пострадали Годуновы и Богдан Бельский. Вероятно, казнь Тулупова была связана с борьбой за влияние в окружении царя и была обставлена как очередная «измена». Горсей в своих мемуарах приводит причину, по которой Тулупов угодил на кол: он был «уличен в заговоре против царя и в сношениях с недовольной знатью». Многие из казненных имели связи в Великом Новгороде: местным помещиком был В. И. Умной-Колычев, князья Тулуповы имели давние связи с Софийским домом и так далее.

Существовала или нет в действительности «измена» Тулупова и других — неизвестно. Однако царь был полностью уверен в серьезной

---

* Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 544.

опасности, угрожавшей его власти, а может быть, и жизни со стороны ближних людей. Связь многих из них с Новгородом сразу ставила под подозрение архиепископа Леонида. Тем более у этого архиерея было множество причин быть недовольным проводившейся царем политикой. Ему досталось разоренное в результате экономического кризиса и погрома хозяйство Софийского дома, часть территории епархии была передана под управление епископа Вологды, визиты Грозного в город традиционно требовали от архиерея больших затрат на угощение и подарки. Нужда в средствах привела к тому, что архиепископ даже попытался присвоить пожертвованные Иваном IV «милостинные деньги». Этот скандал дошел до самого царя. Подчиненные прямо обвиняли Леонида в вымогательстве денег в виде штрафов за различные нарушения. Это все давало Грозному повод относиться к архиепископу с некоторым недоверием. Теперь же, летом 1575 года — вскрылось наличие неопровержимых связей между «заговорщиками» из его окружения и Леонидом.

В таких условиях участь архиепископа была predetermined. Опала разразилась неожиданно: еще 14 августа Леонид управлял своей епархией, а 20 октября был похоронен. Подробно рассказывает о судьбе Леонида Горсей. По его словам, «царь был сильно озабочен разбирательством измены... Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили... пыткой, им было предъявлено обвинение в сношениях... с королями Польши и Швеции... Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал... Епископ... был обвинен в измене и чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям... в мужеложестве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро... было взято в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде... занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены»*.

Горсей связывает осуждение Леонида с делом Бомелия. Сведения, которыми мы располагаем о докторе Бомелии, рисуют крайне неприглядную картину. Иностранцы свидетельствуют, что после нашествия татар в 1571 году при посредстве медика Грозный отравил

---

* Горсей Дж. Записки о России. С. 74—75.

около ста человек. Для Псковской летописи Бомелий является поистине страшной фигурой: его прислали в Россию «немцы», был он «лютым волхвом» и смог оказаться в приближении у царя. «И положи на царя страхование... и конечно был отвел царя от веры: на русских люди царю возложил свирепство, а к немцам на любовь переложил... много множества роду боярского и княжеска взусти убити цареви. Последни же и самого приведе наконец еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская».

По сообщению Штадена, опала медика связана со следующими обстоятельствами: он решил бежать из России и с этой целью взял подорожную на имя своего слуги. Затем, переодевшись и зашив богатства в подкладку, отправился в Псков. Здесь на торгу его узнали поговору, обыскали, нашли золото и отправили в Москву*. В глазах Грозного, заговор приближенных принимал все более опасный характер. Участие в нем придворного медика говорило о том, что его, вероятно, хотели отравить.

Самое активное участие в расследовании принял наследник престола царевич Иван Иванович. Именно он руководил пыткой Бомелия. Причем даже «некоторые доброжелатели» опального медика, которые должны были добиться смягчения участи врача, не смогли ничего сделать: «его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал**». Это свидетельство опровергает мнение одного из летописцев о том, что царь не доверял сыну и стремился поставлением Симеона Бекбулатовича преградить ему дорогу к трону. Пытки помогли получить нужные показания и от архиепископа Леонида.

Добившись признания в различных преступлениях от подозреваемых, Иван IV передал дело на рассмотрение Освященного Собора, члены которого были заранее вызваны в Москву. Как и следовало ожидать, духовенство признало архиепископа виновным, тем более определенные подозрения у царя были и в адрес некоторых других архиереев, в том числе и на митрополита Антония. Существовало даже

** Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. С. 54; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 262; Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 84–85.

* Горсей Дж. Записки о России. С. 74.

специальное «сыскное дело», упоминание о котором сохранилось в описи царского архива. Запуганные святители безропотно осудили Леонида. По некоторым данным, его зашили в медвежью шкуру и затравили собаками.

Одновременно с Леонидом погибли и еще несколько лиц. Однако их казнь была лишь хронологически связана с гибелью архиепископа. В чем же тут дело? Казнив в августе своих приближенных Тулупова и других и начав следствие по «делу» Леонида (якобы связанного с ними), царь решил произвести очередной «перебор людишек». Одновременно с этим до него дошли тревожные сведения о неблагоприятных для Московского царя предсказаниях астрологов, о чем говорит один из летописцев. То, что Грозный прислушивался к различным предсказаниям, подтверждается и другими источниками: об этом пишут Горсей и Курбский*. Неизвестно, верил ли Иван Васильевич астрологам до этого, но в 1575 году ему было над чем задуматься: только что открывшаяся «измена» ближайшего окружения делала возможным, в глазах Грозного, любые, самые мрачные предсказания. В таких условиях царю и понадобился номинальный правитель, всецело преданный, не претендующий на самостоятельную политическую роль, но окруженный тем не менее всеми атрибутами власти. Не случайно летописцы указывают на униженное положение, которое занял царь при Симеоне: «Ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех. А бояр себе взял немного, а то все у Семиона. А как приедет к великому князю Семиону, и сядет далеко, как и бояря, а Семион князь велики сядет в царском месте», даже за благословением к митрополиту первым подходил «великий князь». Сам царь стал называться «Иван Московский» и писал уничижительные по форме челобитные великому князю Симеону, которые на самом деле были скорее инструкциями. Жил Иван Московский на Арбате вместе с детьми**.

Сделав крещеного татарина официальным, но не реальным правителем, Грозный оказался в крайне затруднительном положении. Дело в том, что он не мог вразумительно объяснить причины своего поступка подданным. Ведь еще в 1551 году на Стоглавом соборе астрология была осуждена, а вера в предсказания объявлена ересью. Те же, кто верит в это «еллинское и бесовское чарование», должны

---

* ПСРЛ. Т. 34. С. 192; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 117; Горсей Дж. Записки о России. С. 84–86.

** Там же. С. 192, 226.

быть отлучены от Церкви. Признание было равнозначно объявлению себя неправославным. Поэтому царь, скорее всего, не стал ничего объяснять подданным, а просто объявил о принятом им решении.

Светские лица и духовенство, не посвященные в истинные замыслы Ивана IV, удивились, видимо, не намерению царя отказаться от власти, а необычному выбору преемника. По их мнению, в случае отречения власть должна была перейти к старшему сыну Грозного царевичу Ивану Ивановичу. Но Грозный, как отец, не мог допустить, чтобы его настоящему наследнику угрожали те же предсказанные астрологами опасности. Для придворных же решение о возведении на трон Симеона показывало лишь одно — монарх решил лишить наследства своих родных детей. В таких условиях царю была подана челобитная с протестом против поставления на престол Симеона. Инициаторами ее подачи и были лица, казненные в течение следующих недель. Среди казненных примерно в то же время оказался и архиепископ Леонид, осужденный, правда, по другому поводу. Другие попавшие в опалу представители духовенства пострадали не из-за контактов с осужденным архиереем, а из-за своего участия в составлении и подаче вызвавшего гнев Грозного документа. В этой связи среди казненных совсем не случайно числятся имена архимандритов Чудова и Симонова монастырей. Зная многолетнюю близость царя к этим обителям, можно было рассчитывать на то, что их мнение повлияет на решение правителя. Однако в данном случае ничего подобного произойти не могло, и настоятели заплатились жизнью за свое неодобрение намерений Грозного, об истинных причинах которого они не знали. Не случайно и упоминание среди казненных протопопа Архангельского собора Ивана: ведь этот собор служил усыпальницей членов великокняжеской, а затем и царской семьи. Участие в челобитии протопопа должно было напомнить Ивану Васильевичу о своей ответственности за «правильную» передачу престола своим законным наследникам. Среди казненных находилось и несколько членов Боярской думы: князь Петр Куракин, Бутурлин, Бороздин и несколько дьяков. Какое-то отношение к происходящему имели и князь Мстиславский, и митрополит Антоний, и иные не упоминаемые летописью лица, во дворы которых метали головы казненных.

Среди пострадавших осенью 1575 года источники упоминают и некоторых деятелей, которые были тесно связаны с настоящим наследником престола Иваном Ивановичем. Так, дядя царевича Никита Романович Захарьин-Юрьев был ограблен, а Протасий Юрьев

(троюродный брат наследника) — казнен*. Репрессии в отношении этих лиц связаны с тем, что они настраивали царевича против отца, который, как они думали, решил в действительности передать власть иноплеменику. Но на самом деле у Грозного не было никаких подозрений против сына, так как он доверил царевичу проведение следствия.

Правление Симеона Бекбулатовича продолжалось недолго, осенью 1576 года он был сведен с престола и получил в качестве удельного княжения Тверь и Торжок. В период его номинального княжения в Москве не проводилось никакой специальной антицерковной политики, о которой упоминают некоторые иностранные наблюдатели. Можно говорить лишь о одновременном изъятии денежных средств из монастырских сокровищниц. С другой стороны, целый ряд монастырей в период «правления» Симеона получил существенные податные освобождения.

Вместе с тем считать, что все в стране осталось по-прежнему в период нахождения на престоле Симеона, нет оснований. Территория страны была опять разделена на части: одна была под номинальным управлением татарского царевича, а другую получил в «удел» «князь Иванец Московский» (Иван IV). Такое разделение страны продолжалось и после сведения Симеона: «удел» Грозного продолжал существовать под названием «двора», причем его территория, так же, как и прежде опричная, расширялась. В состав «удела» и «двора» вошли северные земли (Поморье и Вологда), Ростов, Дмитров, часть новгородских и псковских земель, Старица. Во владениях царя существовала своя система управления, отличная от общегосударственной. Служилые люди снова были разделены. Они, так же как и в годы опричнины, специально подбирались. Об этом говорит «челобитная» Ивана IV, в которой он в конце октября 1575 года «просил» великого князя Симеона разрешить ему «перебор людишек» (бояр, дворян, детей боярских). Те, кто чем-то вызывал недоверие царя, «выводились» из «дворовых» уездов и переходили в земщину. Вероятно, действовала специальная комиссия из особо приближенных к Грозному лиц, которая принимала решение о том, достоин ли служилый человек служить «Ивану Московскому» или нет. Все это живо напоминало опричные времена, но, в отличие от прежнего, новый режим был менее кровав, чем опричный. Не было, видимо, и таких

---

* ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226; Горсей Дж. Записки о России. С. 80; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 544.

вопиющих злоупотреблений со стороны удельных и дворовых людей, какие были во времена опричнины. Замысел царя состоял в том, чтобы добиться особой преданности себе от части служилых людей путем более высокого денежного и земельного их обеспечения по сравнению с основной массой служилого сословия.

Каким образом Ивану IV удавалось получать в свое распоряжение средства для обеспечения преданности служилых, дает представление летописный рассказ. В 1576 году, еще в период «правления» Симеона, Грозному была «сказана» служба на берегу Оки для защиты центральных районов России от крымских татар. На следующий же день царь подал очередную «челобитную» с «просьбой»: «Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Руси. Бьют челом князь Иван Васильевич московской и сын мой князь Иван Иванович: сказана нам твоя государева служба на берег, и тебе бы нас пожаловать на подъем, как тебе Бог известит». «Бог известил» великому князю Симеону о том, что «московским князьям» надо выплатить огромную сумму — сорок тысяч рублей. Затем, как верный подданный, Грозный с удельной армией отправился в отведенное ему для службы место — в Калугу*.

В год «великого княжения» Симеона сформировалось ближайшее окружение царя, которое практически не изменилось до самой его смерти. В «ближний круг» входили князья Шуйские, в свое время породнившиеся с царским любимцем Малютой Скуратовым. Среди них талантами выделялся Иван Петрович Шуйский. Другой видной фигурой при Грозном был один из самых знатных аристократов князь Федор Трубецкой. Однако гораздо большим влиянием пользовались другие, куда менее знатные лица. Среди них необходимо отметить Богдана Бельского, ставшего думным дворянином и получившего придворный чин оружничего. Особо приближенным человеком был Афанасий Федорович Нагой. Долгие годы он провел в Крыму, куда был отправлен еще до начала опричнины. При дворе хана Нагой пережил все превратности опричнины, в которую был зачислен заочно. Вернулся на Русь Афанасий Федорович уже после ее отмены, в 1573 году и вскоре вошел в окружение монарха. В 1576 году он уже занимал пост одного из дворовых воевод, что свидетельствует о его несомненной близости к Ивану IV. Стабильным было и положение Годуновых, которые смогли породниться и с Малютой Скуратовым и с самим

---

* ПСРА. Т. 34. С. 226.

Генрих Валуа, король Речи Посполитой
Портрет XVI в.

царем. Причем положение Бельского, Годуновых и Нагого лишь укреплялось. Все они служили в «уделе» или «дворе».

Правители земщины, некоторые из которых были родственниками Грозного, также оказывали большое влияние на политику Русского государства, но у них не было личной близости к монарху, причем зачастую они подвергались различным подозрениям и репрессиям. Так, родной брат царицы Анастасии Романовны Никита Романович (царский шурин) был ограблен стрельцами по приказу Ивана IV до нитки: у него забрали «все вооружение, лошадь, утварь и товары ценой 40 тыс. фунтов, захватили его земли, оставив его самого и его близких в таком плачевном положении, что на следующий день Никита Романович послал... на Английское подворье, чтобы дали ему низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и своих детей, а также просить у нас какую-нибудь помощь». Другая важная фигура в земском правительстве — дьяк Андрей Щелкалов — был за какие-то проступки поставлен на правез, причем «из его пяток» было выколочено пять тысяч рублей*.

---

* Горсей Дж. Записки о России. С. 80.

Сигизмунд II Август, король Польши и великий князь Литвы
Гравюра XVI в.

Кроме организации своего «удела», а затем «двора», царя продолжали беспокоить и внешнеполитические вопросы. Продолжалась Ливонская война, хотя активных боевых действий сравнительно долго не велось. Перерыв был вызван сначала перемирием, а затем и польским бескоролевьем. Выбранный после смерти Сигизмунда II Августа королем Речи Посполитой французский принц Генрих Анжуйский не стал долго задерживаться на востоке Европы, а бежал во Францию, как только узнал о смерти своего брата Карла IX, наследником которого он был (лето 1574 года). Посланная поляками погоня не смогла догнать короля, и встал вопрос о выборе нового монарха.

Выборы сопровождались ожесточенной борьбой между различными группировками польских и литовских магнатов и шляхты. Часть шляхты, как и в прошлый раз, хотела видеть на престоле Ивана IV, магнаты же склонялись к кандидатуре императора Священной Римской империи Максимилиана II или его сына. Царь, как и в первый раз, не стал активно участвовать в избирательной кампании, а склонялся к кандидатуре австрийских Габсбургов, союз с которыми сулил достижение мирным путем важных внешнеполитических результатов — подчинение Ливонии и получение Киева. Габсбурги

предложили даже вообще разделить Речь Посполитую: Польшу — императору, а Литву — Ивану IV. Все это вполне устраивало русскую сторону.

В Речи же Посполитой события развивались своим чередом — сторонники Максимилиана II провозгласили его королем. Однако эти выборы были проведены не всем сеймом, а лишь магнатами. Обстановка в Польше настолько накалилась, что сторонники Максимилиана были вынуждены бежать. Недовольная шляхта выдвинула своего кандидата на престол — трансильванского воеводу Стефана Батория, врага Габсбургов. Баторию удалось проехать в Польшу, где его сторонники смогли захватить столицу страны город Краков и завладеть королевскими регалиями. Вскоре Стефан был коронован. Однако это не положило конец конфликту: австрийцы сообщили в Москву, что не потерпят такого унижения и начнут войну с Баторием. Во время подготовки к войне умер престарелый император Максимилиан (октябрь

Император Максимилиан II принимает русских послов
Западноевропейская гравюра XVI в.

Русское посольство к императору Максимилиану II в 1576 г.

Западноевропейская гравюра XVI в.

Фрагмент

1576 года). Новый император Рудольф II также сообщил, что собирается вести войну с Речью Посполитой.

В любом случае, подобная ситуация была для России и ее царя выгодна. Грозный решил использовать проблемы в Польше и Литве для нанесения решительного удара в Ливонии и окончания затянувшейся войны в свою пользу.